

В. А. ЛАДОВ

Был ли поздний Витгенштейн конвенционалистом?

«Параграф 201 стремительно становится самым часто цитируемым пассажем в философии двадцатого столетия»¹.

Возможно, кому-то эти слова Г. Уильсона покажутся чрезмерным преувеличением, но, так или иначе, они, во-первых, лишний раз подчеркивают очень высокий уровень актуальности проблематики следования правилу в новейшей аналитической философии, а во-вторых, указывают на то, что текстуальной цитаделью данной темы по общему признанию является § 201 «*Философских исследований*», которому, соответственно, необходимо уделить особое внимание. Вот как выглядит этот параграф целиком:

«Наш парадокс был таким: ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом. Ответом служило: если все можно привести в соответствие с данным правилом, то все может быть приведено и в противоречие с этим правилом. Поэтому тут не было бы ни соответствия, ни противоречия.

Мы здесь сталкиваемся с определенным непониманием, и это видно уже из того, что по ходу рассуждения выдвигались одна за другой разные интерпретации, словно любая из них удовлетворяла нас лишь на то время, пока в голову не приходила другая, сменявшая прежнюю. А это свидетельствует о том, что существует такое понимание правила, которое не является интерпретацией, а обнаруживается в том, что мы называем “следованием правилу” и “действием вопреки” правилу в реальных случаях его применения.

---

¹ *Wilson G. M. Semantic Realism and Kripke's Wittgenstein // Philosophy and Phenomenological Research. Mr 1998. 58 (1). P. 100.*

Вот почему мы склонны говорить: каждое действие по правилу — интерпретация. Но “интерпретацией” следовало бы назвать лишь замену одного выражения правила другим»².

Из текста видно, что первый абзац данного параграфа представляет собой то, что можно было бы назвать формулировкой проблемы, тогда как дальнейшие предложения выполняют роль пояснения. Поэтому, немного скорректировав суждение Уильсона, нужно заметить, что наиболее часто цитируемым оказывается именно первый абзац §201 и как раз в виду того, что в нем, как кажется, Витгенштейн в явном виде формулирует саму проблему следования правилу.

Однако, даже сузив таким образом поле рассмотрения, мы все еще оставляем место для той двусмысленности в тексте, которая породила столь жаркие споры. Во-первых, это слово «парадокс», которое употребил Витгенштейн. Существовал ли для Витгенштейна реальный парадокс в отношении следования правилу или это была только достаточно небрежно брошенная им фигура речи? И, во-вторых, грамматика предложения, в котором говорится о парадоксе. Глагол здесь употреблен в прошедшем времени: «Наш парадокс был таким...», что побудило большую часть интерпретаторов заявить, что если парадокс у Витгенштейна и был, то он не фиксируется впервые в §201. Напротив, он формулируется и даже разрешается уже в более ранних разделах «*Философских исследований*».

Руководствуясь намерением максимально ясно — насколько это возможно в тексте самого Витгенштейна — увидеть проблему, мы оставим данные текстологические споры в стороне и, во-первых, заменим термин ‘парадокс’ на менее дискуссионный термин ‘тезис’, подразумевая при этом высказывание, в котором формулируется проблема, и, во-вторых, попытаемся убрать акцент с временных форм, чтобы сосредоточиться на самом содержании. Вот как, на наш взгляд, в максимально приемлемой рафинированной форме выглядит тезис Витгенштейна, в котором он формулирует проблему следования правилу:

«Ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом <...> если все можно привести в соответствие с данным правилом, то все может быть приведено и в противоречие с этим правилом»³.

² *Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 163.*

³ Там же. С. 163.

Тем не менее и эта рафинированная форма несовершенна. Дело в том, что когда и сам Витгенштейн, и его интерпретаторы приводят примеры, указывающие на нестабильность правил употребления языковых выражений, то они обычно заходят с прямо противоположной стороны. Чаще всего обсуждаются случаи, в которых не демонстрируются разные образы действий (употреблений), подпадающие под какое-либо одно правило, а, напротив, приводится пример какого-либо конкретного употребления языкового выражения, которое можно привести в соответствие с различными правилами употребления. И такая своеобразная инверсия проблемы не случайна. Если бы мы говорили, как это неудачно делает Витгенштейн в вышеприведенной формулировке, о некоем правиле, под которое подпадают различные образы действий, то само это правило выглядело бы как некая статичная, четко оформленная сущность, а вся неопределенность относилась бы ко множественности конкретных действий. Тогда как на деле проблема в обратном. Имеется вполне ясно фиксируемое конкретное действие (употребление), проблема состоит в том, что мы не способны однозначно соотнести его с каким-либо одним-единственным правилом в виду принципиальной недоопределенности самого этого правила. Отсюда и возникает ситуация, что одно конкретное употребление языкового выражения может подпадать сразу под множество правил употребления.

Исходя из сказанного, заметим, что наиболее приемлемой формулировкой проблемы следования правилу, на наш взгляд, являлось бы своего рода «зеркальное отражение» тезиса, высказанного Витгенштейном: ни один образ действий не мог бы определяться каким-либо правилом, поскольку любое правило можно привести в соответствие сданным образом действий.

Несмотря на противостояние со стороны большинства витгенштейноведов, мы называем тезис о следовании правилу, сформулированный в §201, скептическим. На наш взгляд, для того чтобы сделать это, имеется одно очень простое основание, принятие которого даст возможность оставить в стороне спор о наличии или отсутствии скептицизма в поздней философии Витгенштейна. Этим основанием выступает здравый смысл. Возможно, витгенштейноведы и правы, что автор *«Философских исследований»* никогда не расценивал свою позицию как скептическую, скорее, он специфическим образом понимал работу языка, но если все же оттолкнуться от здравого смысла, от того нерефлексивного понимания, которое коренится в обыденном словоупотреблении, то витгенштейновский тезис, действительно, прозвучит как тезис сомнения в правильности такого понимания.

Никто не будет отрицать, что с точки зрения здравого смысла мы уверены в том, что связываем со словами определенные значения, что употребляем языковые выражения с сознанием того, что, по крайней мере, мы сами отдаем себе отчет в том, что имеем в виду, что мы способны удерживать в уме определенное правило употребления этого выражения, вызывающее в нас предрасположенность использовать его в той или иной коммуникативной ситуации. Так вот если в тезисе Витгенштейна утверждается, что это не так, что стабильность правила и значения является лишь иллюзией, то, очевидно, что австрийский философ предстает как сомневающийся, как высказывающий скепсис по отношению к позиции здравого смысла.

Что заставляет Витгенштейна продуцировать такой тезис? Каковы его аргументы? В общих чертах линия аргументации достаточно проста — это утверждение необозримости содержания правила в конечном опыте употребления языкового выражения, что приводит к ситуациям неопределенности в вопросах различения правил и подведения конкретного употребления выражения под то ли иное правило.

Параграф 201 стал одним из самых знаменитых пассажей позднего Витгенштейна потому, что в нем философ попытался задать четкую формулировку проблемы следования правилу. Однако, если говорить о наиболее выразительных, емких и пронизательных примерах, которыми Витгенштейн иллюстрирует данную проблему, то они находятся за пределами данного параграфа. Приведем некоторые из них. Так, в §80 *«Философских исследований»* имеется следующая иллюстрация, раскрывающая суть проблемы:

«Я говорю: “Там стоит стул”. А что, если я подхожу к нему, собираясь его взять, а он вдруг исчезает из виду? — “Значит, это был не стул, а некая иллюзия”. — Но через две секунды мы снова видим его и можем потрогать его рукой и т. д. — “Тогда все-таки это был стул, а обманчивым было его исчезновение”. — Но допустим, что спустя какое-то время он исчезает снова — или же кажется исчезнувшим. Что тут скажешь? Есть ли у тебя готовые правила для подобных случаев, — правила, говорящие, можно ли все еще называть нечто ‘стулом’? Или же мы обходимся при употреблении слова “стул” без них?; и должны говорить, что, по сути, не связываем с этим словом никакого значения, так как не располагаем правилами всех его возможных применений?»⁴.

---

⁴ Там же. С. 117.

«Заметки по основаниям математики» сразу начинаются с одного из самых обсуждаемых витгенштейновских примеров, относящихся к вопросу о правилах:

«Откуда я знаю, что при построении числового ряда +2 следует писать
“20004, 20006”,
а не “20004, 20008”?»⁵.

Но наиболее подробное рассмотрение проблемы следования правилу было осуществлено только в VI части «Заметок», где можно обнаружить как краткие, афористичные пассажи, достойные стать эпиграфом к любому исследованию по данной проблематике:

«Если одна из двух шимпанзе однажды нацарапала на земле фигуру | -- |, а другая затем ряд | -- | | -- | и т. д., то первая могла и не задавать правило, а другая могла и не следовать ему»⁶.

Например, в §2 VI части «Заметок» Витгенштейн указывает на специфическую грамматическую трансформацию в языке математики, в которой происходит скачок с временного смысла употребляемых глаголов, указывающих на процессуальность опыта, на вневременной, в котором данные языковые выражения приобретают универсалистское значение:

«Как ты проверяешь тему контрапунктного свойства? Ты преобразуешь её в соответствии с *этим* правилом, ты объединяешь её так-то и так-то с другим правилом; и тому подобное. Так ты получаешь определенный результат. Ты получаешь его, как получил бы посредством эксперимента. Быть может то, что ты делаешь, даже и является экспериментом. Слово “получаешь” используется здесь с учётом времени; ты получил этот результат в три часа. — В математическом предложении, которое я формулирую затем, глагол (“получает”, “составляет” и т. д.) употребляется вневременно»⁷.

В §44 речь заходит о метафоричности самого выражения «следование правилу». Автор утверждает, что, по сути, в обыденной речи мы не используем его буквально, что следование, повиновение правилу есть лишь метафора, иллюзия, возникающая в языке:

⁵ Витгенштейн Л. Заметки по основаниям математики. Раздел VI // Эпистемология и философия науки. 2007. № 2. Т. XII. С.

⁶ Там же. С. 237.

⁷ Там же. С. 220.

«Но разве нас не направляет правило? И как может оно направлять нас, ведь его выражение всё равно может быть интерпретировано нами и так, и по-другому? То есть ведь всё равно ему соответствуют различные регулярности. Мы склонны сказать, что выражение правила направляет нас. Значит, мы склонны употреблять эту метафору»⁸.

Наконец, для иллюстрации проблемы Витгенштейн использует выразительные мысленные эксперименты, которые, кстати, затем стали широко употребимы и среди его интерпретаторов. §34 «Заметок» акцентирует внимание на конечности опыта следования правилу и возникающих в связи с этим затруднениях:

«Вообразим, что некий бог в одно мгновение сотворил страну посреди пустыни, которая существует в течение двух минут и является точным отображением части Англии со всем тем, что там происходит в течение двух минут. Все люди, так же как люди в Англии, заняты различными делами. Дети находятся в школе. Некоторые люди занимаются математикой. Теперь рассмотрим деятельность каких-нибудь из этих людей на протяжении этих двух минут. Один из этих людей делает в точности то, что делает математик в Англии, который как раз осуществляет некое вычисление. — Должны ли мы сказать, что вычисляет и этот двухминутный человек? Разве мы не можем, например, вообразить то, что предшествует и следует за этими двумя минутами, таким, которое заставило бы нас называть эти процессы совершенно различными?».

Вряд ли кто-то решит оспорить суждение, что в привычном, широко распространенном понимании теория значения позднего Витгенштейна трактуется как конвенционализм. Считается, что автор «*Философских исследований*» осуществил критику классического объективистского подхода к рассмотрению семантических вопросов, в котором под значением языкового выражения понималась некая стабильная, независимая от конкретных агентов речи сущность. Витгенштейн показал эфемерность такого образования и в противовес критикуемой позиции прочно увязал значение с той или иной локальной коммуникативной средой, в которой употребляется выражение языка. Факторами, влияющими на изменение оттенков значений в коммуникативной среде, является вся совокупность исторических, психологических, социокультурных элементов, которые и составляют своеобразие того или иного локального лингвистического сообщества. Если же теперь этот тезис, сформулированный в рамках вопросов семантики, поместить в более общий контекст аналитической философии, в которой лингвистический опыт трактуется как фундаментальный пласт познания вообще, задающий границу

⁸ Там же. С. 233.

познаваемого или непознаваемого, то данная теория значения предстанет как пример новой онтоэпистемологической позиции, утверждающей равноправное существование различных, не сводимых друг к другу онтологий и отсутствие единого основания познания. Именно в этом ключе трактуются наиболее распространенные в широких слоях западного интеллектуального сообщества (не только философского) понятия позднего Витгенштейна «языковая игра» и «форма жизни».

Однако некоторые из интерпретаторов настаивают на том, что подобное понимание поздних витгенштейновских взглядов является слишком поверхностным, вульгарным. По их мнению, основная мысль автора новой теории значения более глубока и радикальна. Она не сводится к тому достаточно тривиальному тезису ортодоксального конвенционализма, гласящему, что, скажем, слово «кот» не имеет раз и навсегда данного, с неба упавшего значения, и что значение этого слова задается в том или ином лингвистическом сообществе, которое свободно в выборе семантики, то есть гипотетически вполне можно представить себе сообщества, в одном из которых «кот» означает кот, а в другом кит, а слово «кит» — наоборот. Тем не менее, как справедливо замечает С. Крипке, некоторые витгенштейновские пассажи сами провоцируют к заданию такой упрощенной интерпретации:

«Однако в контексте Витгенштейн затеняет свой глубокий парадокс намного более прямолинейной позицией — что обычно употребления языка не дают точного определения их применения во всех случаях»⁹.

К такому толкованию может подвигнуть, к примеру, §79 «Философских исследований», в котором мы читаем:

«Рассмотри следующий пример: Если говорят “Моисей не существовал”, это может означать разное: у израильтян при исходе из Египта не было одного вождя или их вождя звали не Моисей или вообще не было человека, совершившего все, что Библия приписывает Моисею, и т. д. и т. п. Вслед за Расселом мы могли бы сказать: имя “Моисей” можно определить с помощью разных описаний. Например, таких: “человек, прошедший израильтян через пустыню”; “человек, живший в такое-то время и в таком-то месте и называвшийся тогда Моисеем”, “человек, который в младенческом возрасте был вытаскен из Нила дочерью фараона” и т. д. И в зависимости от того, примем ли мы одно или другое определение, предложение “Моисей не существовал” приобретает разный смысл, как и любое иное предложение о Моисее. И если нам говорят

⁹ Крипке С. А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. С. 78.

“N не существовал”, то ведь мы спрашиваем: Что ты имеешь в виду? Не хочешь ли ты сказать, что... или что...? и т. д.

Это можно выразить и так: я пользуюсь именем “N” без фиксированного значения»¹⁰.

или когда в «*Лекциях по философии математики*» он заявляет:

«Знать его (слова. — В. Л.) значение — значит употреблять его *тем же самым способом*, что и другие люди»¹¹.

Данные соображения, в самом деле, могут быть истолкованы как конвенционалистские. Пользоваться именем без фиксированного значения значит употреблять его то так, то этак, имея в виду в одной коммуникативной ситуации одно значение, а в другой — другое. Знать значение слова — значит знать то, что под ним подразумевают другие члены сообщества, в котором разыгрывается конкретная языковая игра.

На поводу этих и подобных им пассажей идет и определенная группа интерпретаторов. Например, Н. Малколм, обсуждая один из фрагментов «*Голубой книги*» пишет:

«И Витгенштейн предостерегает нас от предположения, что наличествует такая ситуация, как “полный набор условий” для разговора о прогулке человека. Это подразумевает, что для предложения “Он может пойти погулять” не существует истинностных условий в общем виде»¹².

Малколм имеет в виду, что предложение «Он может пойти погулять» в различных коммуникативных контекстах может иметь различные значения, такие как: «Он научился ходить», «Он не устал», «Ему разрешили погулять». Значение предложения будет варьироваться от контекста к контексту, но для какого-то локального, частного коммуникативного акта оно вполне может быть определено.

С точки зрения сильной трактовки скептического тезиса относительно следования правилу, который выражен в § 201 «*Философских исследований*», Витгенштейн предстает не только как противник объективизма в отношении значения,

¹⁰ Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 116.

¹¹ Wittgenstein's Lectures on the Foundations of Mathematics. Cambridge, 1939 / Ed. C. Diamond. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1976. P. 183.

¹² Malcolm N. Wittgenstein on Language and Rules // Philosophy. 1989. 64. P. 166.

но и конвенционализма, ибо конвенционализм, так же как и объективизм, представляет собой одну из форм эссенциализма, а значит, руководствуется августинианским образом языка. Действительно, как таковая конвенция тоже представляет собой вполне устойчивую сущность в рамках определенного лингвистического сообщества, и агент речи, находящийся в этой коммуникативной среде, при употреблении того или иного выражения языка вполне может удерживать в сознании его четко очерченное, стабильное значение. Если же скептический тезис Витгенштейна призван к тому, чтобы посеять в нас сомнение в любом проявлении августинианского образа мыслей, то мы должны интерпретировать идею нефактичности, несубстанциальности значения более радикально. Речь должна идти не только об отрицании объективного, раз и навсегда данного значения, но и об отрицании относительно стабильного значения-конвенции. С позиции сильной трактовки скептического тезиса агент речи не только не знает всей полноты истинностных условий того или иного предложения, употребляемого в разных контекстах — на чем настаивал Малколм — но и не может определить значения входящих в него выражений даже в одном-единственном, частном случае употребления. Причем проблема возникает не только (и не столько) на уровне коммуникации — как если бы слушающий никак не мог взять в толк, о чем сообщает ему говорящий (такая характеристика проблемы также является весьма тривиальной) — скорее, сам говорящий, агент речи, произнося выражение языка, не может для самого себя, обращаясь к содержанию своего ума, разобраться, в чем состоит значение употребляемого им выражения.

Пристальное внимание общественности к сильной трактовке скептического тезиса привлекла интерпретация С. Крипке. Думается, именно этот факт предельной радикализации проблемы и сделал интерпретацию американского логика столь знаменитой. Но на самом деле некоторые из признанных корифеев аналитической философии ощутили глубину витгенштейновской мысли значительно раньше, лишь не сумев (или не имея намерения) придать своим трактовкам тот стилистический блеск, который можно обнаружить в работе американского логика.

Так, А. Айер еще в 1954 г., т. е. практически сразу после выхода в свет *«Философских исследований»*, обсуждая вопрос об индивидуальном языке и отмечая все более или менее тривиальные интерпретации, указывал, что:

«В *«Философских исследованиях»* Витгенштейн идет намного дальше. Он считает, что тот, кто намерен использовать язык индивидуальным образом, не просто не сможет передать его значение другим, но не сможет донести его значение и до себя самого»¹³.

Но наиболее подробно рассмотрел этот вопрос М. Даммит в 1959 г. — в одной из первых интерпретаций среди аналитиков, посвященной философии математики Витгенштейна. Здесь Даммит различает два вида конвенционализма, причем тот, который мы обозначили как общеупотребимый, ортодоксальный, оксфордский философ, напротив, называет модифицированным конвенционализмом, имея в виду, что он является недостаточно продуманным, не доведенным до своего логического завершения. Тогда как тот вид конвенционализма, который Даммит приписывает Витгенштейну, он называет полным, законченным. Мы же, принимая во внимание тот факт, что радикально продуманная витгенштейновская позиция все же никак не походит на то, что обычно подразумевают под конвенционализмом, напротив, склонны именовать его специфическим.

Разница, по мысли Даммита, здесь состоит в следующем. Модифицированный конвенционализм, отталкиваясь от идеи запрета на постулирование объективных стационарных сущностей, понимает значение как то, что возникает в ситуации интерсубъективной договоренности принимать нечто как нечто в определенной коммуникативной ситуации. Однако, замечает Даммит, в определенный момент, при выведении следствий из принятых конвенций сама констатация этих следствий предстает как признание их объективной необходимости. То есть при формулировке суждений, согласующихся с конвенционально установленными фундаментальными положениями, конвенциональность как таковая исчезает. Здесь возникает особый вид объективности. Сам конвенциональный каркас предстает как объективно необходимый для всех дальнейших движений внутри него. Проще говоря, Даммита не устраивает статус когерентной необходимости. В самом деле, это понятие содержит в себе двусмысленность: с одной стороны, здесь утверждается запрет на какой-либо разговор об объективности, с другой стороны, то или иное когерентно устанавливаемое положение само приобретает характер объективной сущности. Возникающее здесь затруднение легче всего показать на примере построения аксиоматических систем в математике, руководствующихся когерентной теорией истины. Это и делает Даммит:

---

¹³ Ayer A. J. Can There Be a Private Language? // *Philosophy of Language*. Oxford: Oxford University Press, 1985. P. 454.

«В применении к математике этот модифицированный конвенционализм производит такой вид отчета о математической истине, который хорошо знаком нам из сочинений логических позитивистов. Аксиомы математической теории оказываются необходимыми в силу того, что они непосредственно признаются определенными конвенциями, которые мы адаптируем относительно употребления теоретических терминов; работа математика состоит в том, чтобы открывать более или менее удаленные следствия адаптированных нами конвенций, выводы, которые представлены в теоремах. Если теперь спросить, каков статус логических принципов, в соответствии с которыми мы переходим от аксиом к теоремам, то ответ будет состоять в том, что принятие этих принципов вновь представляет собой выражение адаптации лингвистических конвенций, в этом случае конвенций об употреблении “если”, “все” и т. д. Этот отчет является всецело поверхностным и не рассматривает достоинства конвенционализма, так как он оставляет непроясненным статус утверждения, что определенные конвенции имеют определенные следствия. Кажется, если мы примем конвенции, учрежденные посредством аксиом, вместе с теми, которые учреждены посредством принципов вывода, тогда мы *должны* остаться верными тому способу рассуждения, который принят в теореме; и *эта* необходимость должна быть навязана нам, когда мы встречаемся с ней. Сама по себе она не может больше выражать принятие конвенции; этот отчет не оставляет пространства для какой-либо дальнейшей конвенции»¹⁴.

В противовес этой позиции полный или законченный конвенционализм, с точки зрения Даммита, не должен трактовать аксиому или правило вывода как однажды установленное по договоренности, но теперь принимаемое как стационарно объективное положение в рамках этого установления. Скорее, акт конвенционализации аксиомы следует воспроизводить вновь и вновь, на каждом шаге построения системы. В отношении вопросов семантики законченный конвенционализм должен трактовать значение выражения в качестве чего-то радикально дискретного, возникающего не в результате однажды принятой договоренности внутри лингвистической группы, а в результате согласия в многократно повторяющихся, но всякий раз предельно конкретных, единичных коммуникативных актах. В таком понимании значение предстает как некое «пульсирующее» образование, возникающее в буквальном смысле в акте коммуникации и не допускающее по отношению к себе никаких объективистских субстантиваций. Вот именно такой законченный конвенционализм и демонстрирует, с точки зрения М. Даммита, теория значения позднего Витгенштейна.

¹⁴ Dummett M. Wittgenstein's Philosophy of Mathematics // The Philosophical Review. 1959. Vol. LXVIII. P. 170.

Проницательность Даммита достойна восхищения. И все же нам представляется, что и он сам, предъявляя претензии ортодоксальному конвенционализму в непродуманности данной позиции, интерпретировал Витгенштейна недостаточно радикально. Как уже было сказано выше, сильная трактовка скептического тезиса относительно следования правилу состоит в том, что факт значения отрицается вовсе. Агент речи в своем субъективном опыте не способен обнаружить то, что можно было бы назвать значением выражения даже в предельно конкретной, единичной ситуации употребления языка. Максимум, что здесь может возникнуть — это иллюзия значения, поддерживаемая коммуникативной средой. Таким образом, сильная трактовка скептического тезиса должна, как кажется, отрицать не только ортодоксальный, но и тот специфический конвенционализм, суть которого изложил оксфордский аналитик.

Среди современных интерпретаторов, помимо Крипке, радикализм витгенштейновской мысли признают Г. Бейкер и П. Хакер. Правда, со свойственным им критическим запалом они полагают, что ни Крипке, ориентирующийся на семантику условий утверждаемости, ни Даммит, у которого американский логик заимствовал различие семантик условий истинности и условий утверждаемости, этого витгенштейновского радикализма как раз не постигают. Критика понятия условий утверждаемости в исполнении Бейкера и Хакера сводится к тому, что семантика, трактующая значение как то, что определяется условиями утверждаемости выражения в лингвистическом сообществе, не способна избежать платонизма, ибо это интерсубъективно задаваемое значение все равно будет трактоваться как некая универсальная сущность, связь языкового выражения с которой сохраняет, как и в ортодоксальной номинативистской парадигме, характер внешнего отношения. В противовес этому Бейкер и Хакер вводят понятие внутреннего отношения между значением и употреблением выражения, между правилом употребления и его применением. Данное понятие, по мнению этих оксфордских витгенштейноведов, призвано раскрыть всю специфику витгенштейновской мысли, которая заключается в том, что значение выражения оказывается неотделимым от его конкретного употребления, оно «вспыхивает» только в самом коммуникативном акте и «гаснет» за его пределами. Содержание правила употребления уясняется только в конкретной ситуации применения выражения в соответствии с этим правилом и оказывается неотделимым от этого применения.

Не нужно прилагать каких-либо интерпретативных сверхусилий, чтобы заметить, что, нападавая на даммитовское различие

семантик условий истинности и условий утверждаемости и критикуя понятие условий утверждаемости, Бейкер и Хакер, по сути, воспроизводят тот мыслительный ход, который как раз и сделал Даммит в 1959 г., различив два вида конвенционализма. Нет сомнений, что Даммит осознавал глубину витгенштейновской мысли и не вкладывал в понятие условий утверждаемости того тривиального содержания, которое приписывают ему Бейкер и Хакер.

Другое дело, что критика Бейкера и Хакера позволяет осознать, насколько двусмысленным оказывается понятие условий утверждаемости, и вину за это, действительно, должен взять на себя и Даммит, который не осуществил в надлежащей акцентированной форме проекции различения видов конвенционализма на различение аспектов интерпретации понятия условий утверждаемости. На наш взгляд, понятие условий утверждаемости может быть понято даже не двойко, а тройко. Во-первых, это та тривиальная трактовка, которая будет соответствовать позиции ортодоксального — в нашей терминологии — конвенционализма. С данной точки зрения, условия утверждаемости выражения будут фиксировать стабильную интерсубъективную сущность в качестве его значения, однажды принятую в сообществе в виде конвенции. Во-вторых, это трактовка с позиции специфического конвенционализма. Здесь под условиями утверждаемости будет пониматься предельно конкретный коммуникативный акт, в котором будет «вспыхивать» значение. За пределами этого акта значение снова исчезает. В новом коммуникативном акте будет формироваться новое значение и т. д. Таким образом, удастся избежать нежелательной субстантивации, ведущей к платонизму. Наконец, в-третьих, это наиболее радикальная трактовка, которая настаивает на том, что, по сути, нет такой вещи, такого факта, как значение, и его невозможно обнаружить ни в качестве установления стабильной, долговременной конвенции, ни в качестве установления «пульсирующей», моментальной конвенции. Скорее, условия утверждаемости будут определять то, что можно было бы назвать иллюзией значения, они будут лишь создавать впечатление наличия значения.

Отсюда нам вполне обоснованным видится вывод о том, что теорию значения позднего Витгенштейна, в противовес интерпретации Г. Бейкера и П. Хакера, все же можно трактовать как семантику условий утверждаемости, правда, с соответствующими оговорками, относящимися к прояснению смысла данного понятия.

Оставляя в стороне споры относительно правомерности второй или третьей из вышеуказанных позиций, мы, на основе мнений

большинства наиболее крупных интерпретаторов творчества австрийского мыслителя, можем констатировать то, что, по крайней мере, ортодоксальным конвенционалистом Витгенштейн все же никогда не был, и наиболее распространенная в широких околофилософских кругах интеллектуалов интерпретация его «*Философских исследований*» является слишком упрощенной и, по сути, неверной.

Дискуссия об индивидуальном языке: лингвист против философа

Введение

Если проблему следования правилу по количеству материалов, публикуемых на эту тему, можно расценить как одну из центральных в новейшей аналитической философии, то дискуссию об индивидуальном языке по этим же показателям с полным правом можно считать ядром данной проблемы. Предполагает ли следование правилу употребления языкового выражения социальную компоненту? Требуется ли правилосообразная деятельность лингвистического сообщества или же агент речи способен в изоляции, ориентируясь только на субъективный опыт, использовать язык? Наиболее четко позицию, которая настаивала на социальной компоненте языка как необходимой, выразил американский логик С. Крипке, интерпретируя тексты Л. Витгенштейна, где тема следования правилу употребления выражений была впервые представлена как проблема. Интерпретацию Крипке поддержал Н. Малколм — один из непосредственных учеников Витгенштейна. В свою очередь с резкой критикой этой позиции выступили известные витгенштейноведы из Оксфорда — Г. Бейкер и П. Хакер, которые утверждали, что актуальное лингвистическое сообщество не является необходимой компонентой для функционирования языка.

Какое из данных воззрений более убедительно? Кто прав — приверженец коммуникативной стратегии в анализе языка или же его оппонент? В данной статье автор ставит перед собой задачу показать, что указанные выше подходы не противоречат друг другу. Скорее, следует говорить о различных уровнях, на которых проводится исследование. Аналитика С. Крипке и Н. Малколма более похожа на работу лингвистов, тогда как подход Г. Бейкера и П. Хакера предстает как исследование по философии языка.